

Либерализм и демократизм «Нового журнала»

Д. С. АНИН

Юбилей «величайшей мистификации»

I

Люди, события, идеи имеют свои, часто неповторимые, судьбы. Но для исторических судеб отдельных народов и человечества в целом важны не только действительно имевшие место события, цели и действия людей, в них участвовавших, или истинный смысл идей, их вдохновлявших («Как это действительно произошло» — по классической формулировке отца немецкой историографии Ранке), но также *восприятие*, отношение к событиям, идеям и людям современников и потомков. В свете исторического опыта последнего столетия едва ли приходится доказывать, что действительный ход событий, действия и цели людей, наконец, подлинный смысл идей далеко не всегда соответствовали их восприятию современниками и последующими поколениями. Можно даже сказать (хотя некоторым эта мысль и покажется парадоксальной), что восприятие событий и идей современниками и потомками часто оказывается даже важнее, чем их действительная, историческая канва. «Правдивая» история, основанная на «неопровержимых фактах» и верно переданных цитатах, «историческая» легенда, вымысел, по каким-то неведомым путям получивший право считаться фактом, — как все это часто трудно различимо и взаимно переплетено. Факты, документы, речи, воспоминания, произвольно выбираемые и употребляемые учеными историками — иногда добросовестными, а часто плохо осведомленными жертвами мистификации, еще чаще сознательными фальсификаторами, — в действительности представляют собой весьма относительную ценность.

Подобные размышления не могут не прийти в связи с отпразднованным полувековым юбилеем Октябрьской революции. Действительно, странной, непостижимой, никем не предугаданной оказалась не только судьба этой революции; в неменьшей мере

фантастическими оказались ее восприятие и оценка, как в самой России, так и за ее пределами. В стране, где она произошла, вот уже почти пятьдесят лет как понимание этой революции внедряется в умы и сердца в виде какого-то лубка, напоминающего трогательные сказки Андерсена. «Хороший», всегда безошибочно-мудрый Ленин, возглавляющий, вездесущий и ведущий героическую партию и рабоче-крестьянский народ; какой-то ставший почти анонимным ЦК (по формуле: «Сталин, Свердлов и другие...»), играющий роль как бы связного между наделенным всеми добродетелями народом и управляющим им из подполья вождем; «плохие», неумные меньшевики и эсеры, для простоты названные «соглашателями», сознательно или бессознательно выполняющие задания мировой и отечественной буржуазии; юнкера, казаки, корниловцы; смешной истерический «Бонапарт» Керенский; трусливые министры, бездарные генералы, перед которыми вахмистр Буденный, прапорщик Крыленко, матрос Дыбенко и луганский слесарь Ворошилов предстают в виде непобедимых наполеоновских маршалов. В сталинские годы роль Наполеона (многократно преумноженного, разумеется) отводилась самому Сталину. Помнится, на одной выставке, посвященной гражданской войне, Буденный, осмотрев картины и документы о царицынской обороне, воскликнул (по словам репортера «Правды») в сердцах: «Да что там Наполеон! вот Сталин, это да...»

И вот уже пятьдесят лет. Неверно, как это часто утверждают западные историки и «прозревшие» бывшие коммунисты, что организованная и повальная ложь и «культ личности» начались при Сталине. Он насаждался и укреплялся уже при Ленине и Троцком, хотя и тот и другой, будучи людьми более культурными, не допускали, чтобы этот культ принимал смехотворные и отвратительные формы последующих лет. «Почтительное» подхалимство, привычка наделять вождей добродетелями и талантами, которых у них не было, начали практиковаться и устно, и письменно с самого начала прихода большевицкой партии к власти. Причем вожди с этим легко мирились, сживались и принимали как должное. У них сразу появились и непререкаемый тон, и чувство их непогрешимости, и грубое самодовольство. Известно, например, что «предложение» Ленина (фактически решение) ввести НЭП, означавшее настоящий переворот в жизни страны, было полнейшим сюрпризом для делегатов X-го съезда партии и даже для многих ее руководителей. Спорить с Лениным было еще можно, но голоса его противников уже тогда звучали как «гласы вопиющих в пустыне».

Неверно так же, что советский лубок о революции упрочился только в странах коммунизма. Им завален, он воспринят и асси-

милирован также и критически-мыслящим Западом в лице его крупнейших представителей государственного, политического и артистического мира. Почтенный английский историк Карр, человек, несомненно, талантливый и знающий (об этом говорят хотя бы его писания о Бакуanine и Герцене), например, написал многотомную, еще не законченную историю революции и советской власти. Воспользовавшись неопровержимыми цитатами и «фактами», почерпнутыми из официальных источников, Карр в основном воспроизвел тот же самый советский лубок. Разумеется, над Карром не висел карательный меч советской «юстиции» и цензуры, и он поэтому позволяет себе иногда судить и Ленина и Сталина как людей, а не как богов. Однако философия, смысл, все выводы Карра о революции и режиме, по существу, мало чем отличаются тех, которые официально выработаны и санкционированы агитпропом КПСС. Но проф. Карр только один из многих и, вероятно, один из наиболее авторитетных представителей этой категории историков ввиду его исключительной способности манипулировать советскими цитатами, «фактами» и документами. Жертвами мистификации оказываются даже люди, обладающие, казалось бы, во многих других областях, исключительной проницательностью, как, например, Жан Поль Сартр...

Но разве это могло быть иначе? На Западе к факту и документу обычно относятся с большим доверием, а к печатному слову (особенно относящемуся к истории) и с уважением. Тоталитаризм — в жизни, литературе, исторической науке — явление сравнительно новое и по существу мало изученное и плохо понятое теми, кто его не испытал. В западных «русских институтах», находящихся под руководством и покровительством известнейших американских и европейских университетов, ученнейшие профессора и их любознательные студенты часто растрачивают свою энергию на исследование фактов и документов, *сфабрикованных пропагандными ведомствами*; их часто недюжинные способности употребляются на многолетние писания диссертаций на такие, по существу, комичные темы, как «народовластие в советской конституции» или «политическая деятельность советского депутата...». Нужно признать, что в области мистификации Советы чрезвычайно преуспевали и преуспевают. Об этом свидетельствует хотя бы и количество и качество книг, статей, фильмов, выставок, изданных и организованных на Западе в связи с пятидесятилетним юбилеем. Те немногие трезвые голоса, которые раздавались по поводу отпразднованного юбилея, доходили обычно только до узкого круга людей уже, по существу, прекрасно осведомленных. Многотиражная печать, радио, телевидение — даже некоторые

наиболее читаемые советоведческие и славяноведческие журналы отметили это событие с тем «объективизмом», который в данном случае был совсем не уместен.

II

Время для настоящей демистификации советского опыта в целом еще не наступило. Многие и, несомненно, самые важные архивные материалы еще не доступны, да и к этим материалам надо относиться с величайшей осторожностью. Попытку демистификации можно предпринять только для начального периода, т. е. для тех революционных дней и месяцев, когда власть еще не обладала полной монополией пропаганды и когда в стране или за ее пределами можно было еще дать иную оценку событиям. Такие попытки демистификации, разумеется, делались в прошлом. Юбилейные торжества, однако, еще раз засвидетельствовали, что эти отдельные попытки или не дошли до более широкой аудитории, или позабыты; кроме того, молодому послевоенному поколению они вообще почти неизвестны.

В этой статье, я, разумеется, не намерен ни заполнять какие-то исторические пробелы, ни восстанавливать или «исправлять» какие-то спорные факты, ни тем более дать читателю новые факты. Нет, намерения мои скромнее. Я хочу, во-первых, попытаться сопоставить некоторые особенно явные и грубые несоответствия между восприятием некоторых первостепенной важности фактов их современниками и укоренившимся, благодаря систематической мистификации, восприятием этих же фактов впоследствии. Другая задача, которую я ставлю себе, это воскресить для читателя ту поистине громадную, решающую и роковую роль, которую в предоктябрьские и октябрьские дни сыграла, применявшаяся в те дни Лениным и Троцким, тактика сознательного обмана и в отношении их собственных приверженцев, и их временных, вскоре обманутых, союзников и пошедших за ними народных, рабоче-крестьянских масс. Кстати, эту тактику вожди и их историки эвфемистически называли «военной хитростью».

Известно, что официальная большевицкая философия или интерпретация революции чрезвычайно проста. В своих некоторых частностях, особенно в отношении ее участников, ликвидированных в сталинские годы, она, разумеется, менялась, сообразно конъюнктуре; в основном, однако, большевицкая интерпретация революции исходит от Ленина и сводится к определенному числу основных положений.

Согласно этой интерпретации, революцию совершили преимущественно рабочие столицы, начавшие (под руководством

большевицкой местной организации) уже 18-го февраля большие забастовки в Петрограде. К ним вскоре примыкают женщины в очередях, требующие, как и рабочие, мира, хлеба и уничтожения самодержавия. Забастовки и демонстрации перерастают в восстание, которое заканчивается 26–27-го февраля полной победой, после того, как на сторону «восставшего народа» переходят одни за другими солдаты двухсоттысячного петроградского гарнизона. Последние, иногда самочинно, но преимущественно под руководством большевицкой организации, создают Советы, становящиеся «органами восстания и зародышем новой власти».

Уже в этом очень суммарном изложении событий и смысла первых дней революции достаточно упрощений и лжи. Немощная в те дни «большевицкая организация», во главе которой тогда стояли молодой Молотов (из студентов) и рабочий Шляпников, ничем и никем не руководила. Забастовки были вызваны многими причинами — экономическими и политическими, среди которых можно назвать и арест представителей рабочих в военно-промышленных комитетах (меньшевик-оборонец Кузьма Гвоздев и другие), и указ о приостановке работ Государственной Думы. Однако никто, ни среди большевиков, ни в других оппозиционных партиях, ни в правительстве, этим забастовкам и демонстрациям не придавал большого значения, ибо в те дни подобные выступления были делом частым и обычным. Революция, действительно ставшая таковой ввиду перехода войск на сторону демонстрантов, началась стихийно. В этом единодушно сходятся все, кто тогда в Петрограде имели отношение к оппозиционным партиям. Среди демонстрантов, несомненно, были плакаты с лозунгом «Долой войну!»; однако все участники событий свидетельствуют о том, что в первые дни революции ни рабочие, ни солдаты в массе своей не требовали немедленного окончания войны, а, наоборот, в своем большинстве были настроены патриотически и оборончески. Большевицкие историки почти полностью игнорируют Государственную Думу, к которой именно и тянулись в первые дни и рабочие, и солдаты, видя в ней средоточие и центр революции. Кумирами или доверенными руководителями восставшей массы в первые дни были не мало кому ведомые большевицкие организаторы, застигнутые, как и все, врасплох этой поистине народной революцией, а популярные лидеры и ораторы Государственной Думы, как Керенский, Чхеидзе и даже Милюков, разоблачавшие «бездарность» старого режима, главным образом, в вопросах обороны, еще до революции с трибуны Государственной Думы. Нужно добавить, что в революционных кругах столицы, включая и большевиков, к событиям вначале относились с большой подозрительностью, опасаясь, что

они могут оказаться «провокацией» со стороны весьма непопулярного тогда в революционных и либеральных кругах министра внутренних дел Протопопова.

Приписавшие себе роль руководства революцией большевицкие историки не могут вразумительно ответить даже на такой простой вопрос: как же это случилось, что этот воспетый сознательный пролетариат столицы и его героический гарнизон посылали в Советы — «органы восстания и зародыши новой власти» — *не большевиков*, а меньшевиков и эсеров — к тому же и тех и других обычно оборонцев — или, по большевицкой терминологии, отпетых соглашателей и предателей. Ведь вначале в руководстве Советов (ЦИКе) было очень мало большевиков и с ними никто фактически не считался. Даже в июне, на Всероссийском Съезде Советов, когда большевики были уже довольно сильны и когда Ленин счел уже возможным и нужным объявить, что его партия готова одна взять власть в свои руки, даже на этом демократически-избранном съезде представителей рабочих и солдат (демократичность съезда не оспаривали и большевики) партия Ленина была представлена из более чем семиста депутатов только сто пятью, т. е. менее 15%.

Большевики, однако, из такого затруднительного положения выходят весьма просто. Их вожди, утверждают они, были в первые дни революции в тюрьмах, Сибири или за границей; и наоборот, вожди соглашателей якобы разгуливали на свободе. Но это, разумеется, ложь. Почти все более-менее видные деятели меньшевиков и эсеров были в тюрьмах, в ссылке и за границей в неменьшей, а может быть даже в большей, пропорции, чем это было у большевиков. Ради примера укажем только, что в те дни и недели в Петрограде самой видной фигурой у эсеров был Зензинов, а у меньшевиков — члены Думы Чхеидзе и Скобелев, т. е. люди, которые тогда не считались и не могли считаться настоящими политическими руководителями своих партий. Нет, большевиков не избирали не потому, что у них не было в наличности вождей, а потому, что их лозунги и тактические приемы — вся их концепция революции — не соответствовали тогда настроениям рабочих, солдат и крестьян.

В наше намерение вовсе не входят защита и оправдание вождей демократических и «соглашательских» партий, совершивших крупнейшие, сейчас даже трудно постижимые и труднообъяснимые ошибки, облегчившие большевикам захват власти. Главная их ошибка, граничащая с чем-то худшим, именно к тому и сводится, что, благодаря их действиям или бездействиям, несвоевременные большевицкие лозунги стали своевременными. То, что в марте, апреле и мае в ленинских схемах казалось невероятным, утопи-

ческим даже большевикам, становилось все более приемлемым с нарастанием, развертыванием и радикализацией революции. С горечью приходится констатировать, что объяснения, данные Лениным и Троцким (в этом коренном для революции вопросе они почти ни в чем не расходились) о причинах нарастания и радикализации революции, оказались верны. Политическая косность, близорукость, догматизм и даже тупость; боязнь власти, боязнь ею воспользоваться для разрешения самых неотложных коренных проблем — сделала нарастание революции и триумф большевизма неизбежным. Под пером многих мемуаристов, которым задним числом пришлось объяснять причины их действий и бездействий, Февраль был *заранее* обречен и Октябрь неминуем. Нет, в политике и истории нет заранее предначертанного, закономерного, детерминистского исхода. История делается людьми, ответственными за свои действия. Сам А. Ф. Керенский, который, казалось, больше всех мог бы сослаться на исторический рок и стихию, заявил: «Октябрь волей людей, а не силой стихии стал неминуем». Следовало бы только добавить: волей одних и безволием других.

* * *

Однако не ошибки, действия и бездействия людей Февраля сейчас — наша тема. Возвращаясь через пятьдесят лет к тем знаменательным событиям, нельзя освободиться от мысли, что, помимо всех этих ошибок и той (в общем психологически понятной) недооценки большевицкой опасности, того неверия в долговечность большевизма и непонимания его сущности (эти черты, в той или иной мере, были присущи всем деятелям Февраля) — Ленин мог прийти к власти, во-первых, благодаря его и Троцкого специфической «тактике» и той наивной легковёрности его временных «союзников», которых Плеханов называл в те месяцы «полуленинцами». Эта специфическая тактика была своеобразной комбинацией обмана, двойственности, недоговоренности, двусмысленности, устрашения, политически-морального террора, которая в своей совокупности и давала нужный эффект.

Сейчас, в свете проделанного опыта, легко удивляться людской наивности и легковёрности. Но ведь тогда, накануне Октября, и сами большевики, и их программа, и их обещания воспринимались (не только в народе) с большой долей доверия. Ведь когда, например, Троцкий, ставший в сентябре председателем Петроградского Совета, торжественно обещал ограждать права и свободу всех других фракций Советов, ему верили даже многие из его противников; когда большевики клялись в бесчисленных речах и резолюциях, что только они действительно и без промедления созовут Учре-

дительное собрание; когда тот же Троцкий закончил свою речь, от имени большевицкой фракции в предпарламенте, возгласом: «Да здравствует Учредительное собрание!», ему тоже многие верили. Не исключена возможность, что даже сам Троцкий в это верил, ибо всех настоящих намерений Ленина он как «чужой» (т. е. не старый большевик) не знал. Надо вообще иметь в виду, что Ленин и его ближайший аппарат не особенно доверяли бывшему меньшевику Троцкому, с которым у него в прошлом были очень плохие отношения и которого он называл Балалайкиным, фразером, пустословом и т. п. Кстати, надо полагать, что Ленин никогда серьезно и не помышлял, в случае победы, сохранить Учредительное собрание как полномочное парламентское учреждение. Так, он, например, носился с планом «объединить» Учредительное собрание с Советами. Полагая, что в Советах большевики будут располагать большинством, он отводил Учредительному собранию право только санкционировать решения Советов. В статьях Ленина того периода (см., напр., «О конституционных иллюзиях») можно найти такие глубокомысленные и «демократические» высказывания: «большинство» — это «когда власть находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства»; или: «простое большинство ничего не решает».

Опять-таки когда большевики объявили себя сторонниками эсеровской аграрной реформы, то это было воспринято не только многими эсерами и меньшевиками как «доказательство» того, что Ленин вовсе не стремится перестраивать страну на «социалистических началах», а хочет только по-настоящему и неотложно провести те меры, к которым в принципе стремились все, и в первую очередь сами крестьяне. В рабочем вопросе говорилось преимущественно о «рабочем контроле», т. е. о мерах, которые поддерживались даже правыми меньшевиками. Правда, и тут была двойственность и недоговоренность, ибо в большевицких речах, резолюциях и особенно писаниях Ленина говорилось также и о настоящем социализме, о мировой революции, о том, что Россия должна начать, зажечь искру, а другие, т. е. Запад, закончить ее — мировым пожаром...

Политическая недоговоренность, двусмысленность большевицких намерений ускорила и так уже углублявшийся раскол и развал в «соглашательских» партиях. Аграрная программа большевиков внесла разброд в партию эсеров, в которой петроградская организация, в своем большинстве, фактически перешла на большевицкие позиции. Известно, что именно благодаря голосам этих левых эсеров Второй Съезд Советов санкционировал фактическую передачу власти большевикам. У меньшевиков целая группа видных

деятелей, с Ю. Лариным во главе, даже формально перешла к большевикам. Группа левых меньшевиков «интернационалистов», чья политика никогда не отличалась особой ясностью, претерпела отходы и отколы, хотя ее лидер, Ю. Мартов, уже сразу после ликвидации корниловского восстания понял (и этого не скрывал), что теперь опасность для революции исходит от большевиков. Характерно (и это могло бы послужить уроком для других попутчиков коммунизма), что в наступившей тогда политической поляризации страны все весьма многочисленные промежуточные пробольшевицкие группы начали быстро терять влияние в массах; теперь их лидеры, даже Мартов и Суханов, могли быть избраны или кооптированы в Советы только при поддержке большевиков.

III

Программно-политическая двусмысленность большевиков, так обманувшая и разложившая их противников и союзников, была только одним и, вероятно, не самым главным элементом в общем ленинском плане захвата власти. Не меньшую роль сыграли те непосредственные лозунги, муссированные слухи, инсинуации, пущенные большевиками в те решающие сентябрьско-октябрьские дни, когда, по выражению Ленина, «кризис назрел» окончательно и когда в порядке дня Лениным ставился вопрос о вооруженном восстании и захвате власти. Ленину надо было преодолеть сопротивление в самом большевицком руководстве, в котором большинство или колебалось, или (Зиновьев и Каменев) считало, что восстание закончится поражением и изоляцией большевиков, ибо Россия не созрела для социалистической революции. Большевицкая печать (у них тогда уже были сотни газет и тысячи профессиональных агитаторов) усиленно распространяла слух о подготовляемой Керенским новой корниловщине, о намерениях Временного правительства сдать немцам Петроград и заключить с ними сепаратный мир и т. д. и т. п. Вся эта пропаганда была, разумеется, соткана из чистой лжи. Но важно было не то, что соответствовало действительности, а то, как дело представляли большевики и их союзники, имевшие уже тогда большинство во многих Советах и, в первую очередь, в Советах Петрограда и Москвы. И еще важнее было другое. В эти дни произошло нечто, что старыми большевиками обычно замалчивается, а западными историками не вполне и не до конца изучено. Ленин, главный политический стратег и мотор революции, человек, который политически и тактически ее выдумал, продумал и додумал до конца и до мельчайших подробностей; человек, который эту революцию

почти насильно навязал колеблющемуся и сопротивляющемуся руководству партии — вот этот человек, без которого октябрьской революции быть не могло (во всяком случае, в таком виде и с такой целеустремленностью), фактически в те недели и дни теряет руководство и контроль над событиями. И дело не только в том, что Ленин в те дни скрывался, а Троцкий, в качестве председателя и руководителя Петроградского Совета, мог открыто руководить событиями. Дело в том, что предложения Ленина большевистским руководством в те дни систематически игнорируются и что события идут вразрез с его оценками и предвидениями. События принимают совершенно другой, не ленинский оборот. Ленин, ЦК и сама партия уходят на второй план, ибо настоящее руководство переходит к Совету, его органам и людям, от Ленина и аппарата гораздо меньше зависящим.

Как и почему все это случилось? 9-го октября (по старому стилю), в разгар вышеупомянутых распространяемых большевиками слухов и обвинений о подготовляемой правительством новой корниловщине, сдаче немцам Питера и о переговорах о сепаратном мире, Керенский и ген. Черемисов, командующий северным фронтом (главкосев), отдают приказ о выводе некоторых, преимущественно большевистки настроенных, частей гарнизона столицы. Большевистскими и пробольшевистскими пропагандистами, а главным образом Советом, приказ истолковывается как подтверждение обвинений, выдвигаемых против правительства. Совет, который и раньше, в «соглашательский» период, вмешивался и контролировал распоряжения правительственных и военных властей, решает «выяснить», насколько эти распоряжения действительно диктуются соображениями обороны, и 16-го октября создает для этой цели Военно-революционный комитет (ВРК). Одновременно принимается решение *приказа о выводе войск не выполнять* и перенять, в случае надобности, оборону столицы в собственные руки, т. е. Совета и его ВРК. Невыполнение приказа о выводе войск проходит безнаказанно, ибо, во-первых, правительство не может или не решается заставить войска выполнить приказ силой; во-вторых, Совет бросает свой вызов правительству под видом легальности, затягивая весь вопрос всякими переговорами, обещаниями, которые дезориентируют и военные, и гражданские власти. «Правительство было поймано на удочку легальности», будет впоследствии хвалиться Троцкий. ВРК, которым руководит Троцкий, но в котором формально председательствует восемнадцатилетний левый эсер Лазимир (вот какие мужи тогда решали судьбы страны!), быстро превращается из центра «обороны» в центр восстания. Формируется Красная гвардия; ВРК декретирует, что воинские части не должны

выполнять приказов без его, ВРК, разрешения — декрет, который разложенными войсками охотно принимается. Троцкий прав: невыполнение приказа Временного правительства и ген. Черемисова было *решающим и поворотным* моментом революции. Революция, как Троцкий впоследствии писал, была уже тогда, т. е. 16-го октября произведена и выиграна на три четверти, ибо этим актом или вызовом большевицко-левоэсеровский Совет доказал свою мощь, а правительство свою немощь.

Разумеется, Ленин в эти дни не дремал. В письмах и разговорах он метал громы и молнии против колеблющегося и «трусливого» большевицкого ЦК; он подавал в отставку, грозил «идти в массы» через голову ЦК, начал использовать всякие обходные пути, переписывался и излагал свои планы захвата власти латышскому большевику Смилге — влиятельному двадцатипятилетнему председателю Матросских Советов в Финляндии... Ленин чувствовал, что руководство ускользает из его рук, а бывшему меньшевику Троцкому он не совсем доверял. Кстати, если в отношении Троцкого он здесь оказался неправ, то у него были все основания не доверять старым большевикам, цекистам. Действительно, собравшись 10-го октября на заседание (в квартире Суханова, жена которого была большевичка) и вторично 16-го октября, ЦК в принципе принял, против голосов Зиновьева и Каменева, предложение Ленина о подготовке вооруженного восстания. Однако только в принципе, ибо в действительности ЦК не очень-то рвался в бой. Если против восстания открыто выступали Зиновьев и Каменев, то фактически против него было также большинство других членов ЦК и даже наиболее видные вожаки большевицких рабочих, «военки» и красногвардейцев. Такие большевицкие руководители, как Рыков, Ногин, Бубнов, Томский, Калинин, Милютин и даже Невский, Володарский, сильно колебались и потому для руководства восстанием были мало пригодны. Ленин предлагал начать восстание в Москве, где положение ему казалось более благоприятным, в Финляндии, где он рассчитывал на Смилгу и его матросов; Ленин изобличал «идиотизм» и «конституционные иллюзии» тех своих товарищей, которые хотели приурочить восстание к открытию Второго Съезда Советов с целью, чтобы съезд санкционировал восстание своим авторитетом. Ленин неистовствовал, обвиняя тех, кто хотели ждать открытия съезда, в том, что они «выдают» день восстания Керенскому и его «корниловцам»...

Как известно, ни одно из этих предложений Ленина не было принято и выполнено. События пошли по логике и под руководством «идиотов» и «трусцов». Самый октябрьский переворот был

серым, мало кем замеченным событием, прошедшим под знаком безразличия и непонимания населением. Революционные выступления, захват стратегических пунктов, правительственных зданий, были, по воспоминаниям Суханова, похожи на смену караулов. В революции приняли активное участие только части кронштадтских матросов, красногвардейцы, члены большевицкой военной организации и коммунисты, но при бездействии и неучастии пролетариата. Гарнизон столицы, от поведения которого все могло зависеть, был, в своем подавляющем большинстве, *нейтрален*. Солдаты и матросы помнили июльские дни и опасались, что октябрьское выступление может закончиться таким же поражением. Однако именно нейтральность гарнизона и оказалась, при создавшихся условиях и соотношении сил, решающим фактором, а этой нейтральности умело добился своей пропагандой ВРК под руководством Троцкого. Ленин, который скрывался до последнего момента и который появился в Смольном только на открытии Съезда Советов, сказал Троцкому: «Да, оказывается можно было это сделать и так...» Сталин, недолюбливавший и не доверявший Троцкому еще больше, чем Ленин, писал к первой годовщине Октябрьской революции, что всему практическому проведению Октябрьской революции партия обязана, в первую очередь, «товарищу Троцкому». А в пятидесятую годовщину Октября имя Троцкого (и, кстати, Сталина) даже не упоминалось ни к добру, ни к худу....

События пошли не по Ленину; тем не менее Ленин был прав, когда утверждал, что власть валяется на улице, что ее так же легко взять, как поднять перышко. Сила сопротивления оказалась «ровным счетом — нуль», заявил потом Троцкий. «В истории, — добавлял он, — не было такого восстания, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено, и притом победоносно». Это, разумеется, верно, и даже до такой степени, что октябрьский переворот трудно назвать настоящей революцией. Даже осада Зимнего Дворца — эта наиболее «прославленная эпопея» 25-го октября, по существу, «героической» была только в казенном описании. В действительности, даже в воспоминаниях ее участников, она большой чести большевикам не делает. Орава разъяренных людей, преимущественно матросов, в течение долгих часов осаждала группу пожилых русских интеллигентов, имевших несчастье быть министрами недолгой и мученической русской демократии. В этом революционном наступлении на «последний оплот буржуазии», который защищали отряды женского батальона и юнкеров, погибло, говорят, шесть человек. Кстати, Антонову-Овсеенко,

полководцу этой операции, и его помощникам (Подвойскому и Чуковскому), главным образом, приходилось употреблять всю свою энергию, чтобы не допустить наступающих революционеров к винным погребам.

Нужно сказать, что даже в описании Суханова, Троцкого и самого Антонова-Овсеенко осажденные министры вели себя с большим достоинством и мужеством. Они отказались сдаться и подчинились только грубому насилию. Они были на волоске от смерти, им угрожала разъяренная толпа и в Зимнем Дворце, и особенно — по пути из дворца в Петропавловскую крепость. В них несколько раз стреляли. Только благодаря энергичным действиям Антонова-Овсеенко (это подтверждают очевидцы) расправы удалось избежать... Как тут не вспомнить и не сравнить поведение министров Временного правительства с поведением большевиков в послеиюльские дни? Ленин, которого «клеветники» обвиняли в получении денег от немцев, побоялся явиться на суд, чтобы доказать свою невиновность. А ведь ему нечего было бояться, ибо его «преследователями» были такие «бесхребетные» и отнюдь не кровожадные люди, как министры юстиции Переверзев или Малянтович; главари большевицких матросов в Кронштадте Раскольников и Рошаль, после провала июльского выступления, вели себя, по воспоминаниям Суханова, униженно, упрашивая «соглашателей» отпустить их обратно в гавань. А ведь их инквизитором (руководителем Комиссии по расследованию июльских событий) всего-навсего был такой «злодей», как меньшевик Либер...

IV

Зачатый и рожденный во лжи и мистификации Октябрь так и не мог освободиться от своего первородного греха за все свои пятьдесят лет. Если *в этом смысле* можно говорить об изменениях или эволюции, то только к худшему. Для объяснения сущности Октября и советского режима в политической литературе пользовались многими лапидарными выражениями. Думается, что никто Октябрьскую революцию и вышедший из нее режим не определил вернее, чем старик Каутский: «Величайшая мистификация в истории».

